

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2020, №6, Том 8 / 2020, No 6, Vol 8 <https://mir-nauki.com/issue-6-2020.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/77PSMN620.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Быховец Ю.В., Казымова Н.Н. Опыт эмоционального насилия и особенности личностной сферы у людей раннего и среднего взрослого возраста // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 №6, <https://mir-nauki.com/PDF/77PSMN620.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Bykhovets Ju. V., Kazymova N.N. (2020). Experience of emotional violence and personal characteristics in people of early and middle adult age. *World of Science. Pedagogy and psychology*, [online] 6(8). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/77PSMN620.pdf> (in Russian)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-013-00011 А)

УДК 159.9

ГРНТИ 15.31.35

Быховец Юлия Васильевна

ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук», Москва, Россия
Старший научный сотрудник
Кандидат психологических наук
E-mail: bykhovets@yandex.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=590394

Казымова Надежда Наильевна

ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук», Москва, Россия
Младший научный сотрудник
Кандидат психологических наук
E-mail: bakusevan@mail.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=607612

Опыт эмоционального насилия и особенности личностной сферы у людей раннего и среднего взрослого возраста

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение психотравмирующего опыта переживания эмоционального насилия. Целью исследования стало изучение взаимосвязи переживания эмоционального насилия с личностными особенностями (самооценка, агрессия, стиль поведения в конфликтных ситуациях), а также с опытом наблюдения за проявлениями эмоционального насилия в родительском взаимодействии у респондентов раннего и среднего взрослого возраста. Методический комплекс исследования составили: Опросник посттравматического стресса PCL-5, методика изучения самооценки С.А. Будасси, опросник «Виды агрессии» Л.Г. Почебут, опросник «Стиль поведения в конфликте» К. Томаса в адаптации Н.В. Гришиной, Анкета для оценки поведения родителей Д.Дж. Сонкина в адаптации И.А. Фурманова. Показано, что тяжелый жизненный опыт в виде пережитого эмоционального насилия может иметь разные источники: детско-родительские и семейные отношения, профессиональные и иерархические отношения, супружеские и партнерские отношения и др. При этом, уязвимость к ситуациям эмоционального насилия связана со значимостью той или иной жизненной сферы в разном возрасте. Признаки посттравматического стресса в раннем взрослом возрасте включают более выраженные симптомы избегания, по сравнению со средним взрослым возрастом. В обеих

возрастных группах посттравматический стресс, вызванный переживанием опыта эмоционального насилия, не связан с уровнем самооценки респондентов. Получены данные о том, что респонденты с высоким уровнем посттравматического стресса проявляют большую эмоциональную агрессию и самоагрессию, но тем не менее в большей степени готовы к сотрудничеству в ситуации межличностного конфликта. Наблюдение ситуаций эмоционального насилия в отношениях между родителями является потенциально психотравмирующим стрессором, повышая уязвимость ребенка к подобным ситуациям в его дальнейшей жизни уже во взрослом возрасте.

Ключевые слова: посттравматический стресс; эмоциональное насилие; самооценка; агрессия; конфликтные ситуации; психотравмирующий опыт

Эмоциональное насилие (ЭН) определяется как негативное психологическое воздействие антропогенного характера, унижающее честь и достоинство человека, наносящее ущерб его самооценке и психологическому благополучию [1]. Среди основных форм ЭН выделяют унижение, запугивание, принуждение и изолирование, постоянная критика, игнорирование чувств, манипуляция. Стоит отметить, что среди указанных видов поведения отсутствует компонент физического воздействия (побои, драки и т. п.), а на первый план выделяется насильственный характер содержания коммуникации между людьми, фрустрирующей базовые потребности человека в безопасности, принятии, уважении и любви. Важно определить критерии, по которым ЭН отличается от агрессии, проявление которой возможно в ежедневном общении как компоненте здоровой коммуникации при прояснении границ взаимодействия между людьми:

1. Дисбаланс власти в отношениях между жертвой и агрессором (агрессор сознательно/неосознанно стремится реализовать власть и контроль над жертвой).
2. Отсутствие у агрессора эмоциональной охваченности эмоциями (часто агрессор находится в более эмоционально уравновешенном состоянии, чем жертва).
3. Длительность воздействия (обычно эпизоды ЭН пролонгированы во времени, что оказывает дополнительное психотравмирующее воздействие).
4. Ощущение безвыходности, невозможность жертвы выйти из устоявшегося паттерна патологической коммуникации.
5. Чувства страха и беспомощности жертвы.

В этой связи ЭН рассматривается нами как травматический стрессор, поскольку жертва испытывает столь интенсивные негативные эмоциональные состояния, которые сопоставимы с ощущением угрозы жизни, что может иметь серьезные отсроченные психологические последствия, такие как: трансформация базовых убеждений человека о доброжелательности и справедливости мира, изменение характера отношений с другими людьми, появление новых личностных характеристик, которые не были характерны для человека ранее (депрессивность, агрессивность, эмоциональная холодность, замкнутость и пр.). Эмоциональное насилие возможно в любых типах межличностной коммуникации: супружеских, детско-родительских, семейных системах, в образовательном пространстве, профессиональном взаимодействии и т. д.

В настоящее время широко признано, что стресс в раннем возрасте в форме пренебрежения (отсутствия заботы) может способствовать возникновению серьезных психических (депрессия, биполярное аффективное расстройство, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), посттравматический стресс (ПТС), злоупотребление психоактивными веществами и пр.) и медицинских (сердечно-сосудистые заболевания, диабет

и др.) расстройств во взрослом возрасте [2; 3]. Для объяснения того, что неблагоприятный детский опыт может способствовать формированию негативных моделей отношений, используются теория социального научения и теория привязанности. Также то, насколько этот паттерн легко воспроизводится даже при наблюдении за ним со стороны, показано в исследованиях особенностей семейного взаимодействия. И.А. Фурманов показал, что ЭН является устойчивым поведенческим фактором в ситуации, когда ребенок становится свидетелем агрессивных взаимоотношений между собственными родителями. В последствии эта включенность в отношения родителей может приводить к тому, что в будущих супружеских отношениях ребенка наиболее вероятно он будет проявлять насилие к собственному партнеру [4].

Возвращаясь к вопросу понятийных границ термина ЭН нам представляется важной проблема индивидуальных норм поведения, в соответствии с которыми разные формы поведения могут рассматриваться либо как приемлемые, либо как оскорбительные. Например, исследование насилия в семье в сельских общинах показало, что консервативные ценности иногда нормализуют психологически оскорбительную тактику поведения [5; 6]. Это свидетельствует о том, что при рассмотрении проблем эмоционального насилия следует учитывать широкие социально-культурные рамки той среды, на выборке которой проводится исследование.

Целью данного исследования стало изучение взаимосвязи переживания эмоционального насилия с личностными особенностями (самооценка, агрессия, стиль поведения в конфликтных ситуациях) и опытом наблюдения за проявлением эмоционального насилия в родительском взаимодействии у людей молодого и старшего возраста.

Задачи исследования:

1. Определить типы травматических событий, которые являются для респондентов ситуациями эмоционального насилия (ЭН) в молодом и старшем возрасте.
2. Выявить возрастные различия в уровне посттравматического стресса вследствие ЭН людьми молодого и старшего возраста.
3. Проанализировать взаимосвязь переживания ЭН с уровнем самооценки.
4. Проанализировать взаимосвязь ЭН с агрессией и типом поведения в конфликтных ситуациях.
5. Сравнить выраженность переживания ЭН у людей с наличием и отсутствием опыта наблюдения за проявлением эмоционального насилия в их родительской семье (как форма коммуникации родителей респондентов).
6. Проанализировать взаимосвязь выраженности признаков ПТС, агрессии и типа поведения в конфликтных ситуациях с наличием опыта наблюдения за проявлениями ЭН в их родительской семье (как форма коммуникации родителей респондентов).

Гипотеза: ЭН является травматическим стрессором, переживание которого наиболее остро проявляется у людей с низкой самооценкой, высокой агрессивностью и имеющих опыт наблюдения ЭН в родительских семьях.

Частные гипотезы:

Гипотеза 1: Молодые люди и люди старшего возраста по-разному понимают источник ЭН.

Гипотеза 2: Переживание эмоционального насилия не зависит от возраста.

Гипотеза 3: Респонденты с высоким уровнем ПТС будут иметь более низкий уровень самооценки и более высокий уровень агрессии.

Гипотеза 4: Респонденты с высоким уровнем ПТС проявляют неконструктивные стили поведения в конфликтной ситуации.

Гипотеза 5: Наблюдение за ситуациями ЭН в родительской семье является травматической ситуацией, которая взаимосвязана с уязвимостью людей к переживанию собственного опыта ЭН, а также с уровнем их агрессии.

Методика

В исследовании приняли участие 62 человека (44 женщины и 18 мужчин), представляющие две возрастные группы: ранний взрослый возраст от 18 до 25 лет (ср. возраст – 21,12 лет) и средний взрослый возраст от 33 до 66 лет (ср. возраст – 57,74 года) (табл. 1). Участие в исследовании было добровольным и проходило как очно, так и в онлайн формате. Деление выборки на две возрастные группы обусловлено тем, что эти возрастные когорты относятся к разным поколениям. Это может быть основанием для несовпадения их установок, жизненных ценностей и идеалов. Возраст 18–25 лет – это период профессиональной подготовки, когда человек учится, сталкивается с формальными организациями, что отражается в его выборе социальных ценностей. Период 33–60 лет – это период активной трудовой деятельности, когда основные морально-личностные приоритеты уже определены. Восприятие человеком такой ситуации межличностного взаимодействия как эмоциональное насилие, на наш взгляд, сопряжено с его личностными смыслами, которые различаются у разных поколений. Кроме того, есть данные о том, что опыт столкновения с психотравмирующими событиями на протяжении жизни делает человека более уязвимым к воздействию стрессоров высокой интенсивности. Этим частично объясняются данные о более высоком уровне психической травматизации людей старшего возраста [7].

Таблица 1

Возраст и пол респондентов

Возрастная группа	Общее кол-во	Женщины	Мужчины
18–25 лет	31	24	7
	M = 21,12 года	M = 21 год	M = 21,75 лет
33–66 лет	31	20	11
	M = 57,74	M = 57,1 года	M = 58,91 года

Составлено авторами

В исследовании были использованы следующие методики:

1. Психотравмирующий опыт респондентов был изучен нами с помощью Опросника посттравматического стресса PCL-5 (*Posttraumatic stress disorder CheckList-5*) [8] в русскоязычной адаптации [9]. В соответствии с целью исследования, участникам было предложено вспомнить наиболее тяжелый опыт переживания ситуации эмоционального насилия, произошедшей с ними, и ответить на ряд вопросов, оценивающих выраженность признаков посттравматического стресса в связи с переживанием данного события по критериям симптомов ПТСР по DSM-V (*Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders, fifth edition*): кластер В – симптомы навязчивого повторения, кластер С – симптомы избегания, кластер D – негативные изменения в когнитивно-эмоциональной сфере, кластер E – симптомы возбудимости. Кроме того, суммируя значения всех показателей, был получен итоговый показатель выраженности посттравматического стресса.

2. Для изучения самооценки личности была использована методика С.А. Будасси¹ в ее модифицированном виде. Респонденту необходимо было сначала проранжировать 20 качеств эталонной личности, а затем составить ранговую последовательность этих качеств в порядке их выраженности у себя лично. Обработка результатов заключается в определении связи между ранговыми оценками качеств личности, входящими в представления «Я идеальное» и «Я реальное» (коэффициент ранговой корреляции).

3. Опросник «Виды агрессии» Л.Г. Почебут² направлен на оценку агрессивного поведения личности в различных формах: вербальная агрессия, физическая агрессия, предметная агрессия, эмоциональная агрессия, самоагрессия.

4. Опросник «Стиль поведения в конфликте» К. Томаса в адаптации Н.В. Гришиной³ [12] предназначен для изучения личностной предрасположенности к конфликтному поведению, выявления определенных стилей разрешения конфликтной ситуации. Выделяются следующие стили взаимодействия в конфликтной ситуации: соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание, приспособление.

5. Опросник Д.Дж. Сонкина в адаптации И.А. Фурманова [10] позволяет оценить уровень психологического насилия в отношениях супругов. Предложенные автором 17 форм психологического насилия разделяются на 3 категории по уровню риска психологической травмы: высокий риск – преступное поведение, умеренный риск – запугивающее поведение, низкий риск – дисфункциональное поведение. Для выявления ЭН в родительской семье респондентов мы изменили инструкцию к опроснику. Респондентам предъявлялась следующая инструкция: «Как и в любой семье, в отношениях супругов бывают разногласия. И в каждой семье они разрешаются по-разному. Ответьте, пожалуйста на вопрос: «Как часто в поведении Вашего отца встречались перечисленные ниже действия и поступки по отношению к Вашей матери?». Такую же оценку они проводили и для поведения матери по отношению к отцу. Оценка всех 17 форм психологического насилия осуществляется по пятибалльной шкале («Никогда» – 0 балл, «Однажды» – 1 балла, «Изредка» – 2 балла, «Неоднократно» – 3 балла, «Множественно» – 4 балла).

Статистическая обработка данных была осуществлена при помощи программного пакета Statistica 10.0 и включала в себя расчет описательной статистики, анализ групповых различий с применением U-критерия Манна-Уитни и H-критерия Краскала-Уоллеса (уровень значимости $p < 0,05$).

Результаты

В соответствии с первой задачей исследования мы провели сравнительный анализ событий, которые респонденты разных возрастных групп указывали в качестве ситуаций эмоционального насилия. С помощью опросника PCL-5 был получен список ситуаций, представляющих собой тяжелый жизненный опыт, связанный с переживанием эмоционального насилия. Обобщение этих ситуаций позволило выделить группы этих ситуаций в соответствии

¹ Корчуганова И.П. Профессиональное развитие и поддержка педагогов, работающих с детьми группы риска (Методическое пособие) / Под науч. ред. профессора С.А. Лисицына, С.В. Тарасова. СПб.: ЛОИРО, 2006. С.71–73.

² Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2020.

³ Рабочая книга практического психолога: Пособие для специалистов, работающих с персоналом / Под ред. А.А. Бодалева, А.А. Деркача, Л.Г. Лаптева. М.: Издательство Института Психотерапии, 2001.

с той жизненной сферой, где эмоциональное насилие имело место быть (табл. 2). Так, были выделены ситуации эмоционального насилия в сфере детско-родительских и семейных отношений (11 чел.), в супружеских и партнерских отношениях (6 чел.), в отношениях, предполагающих иерархию и субординацию (работа, учеба) (13 чел.). 11 человек отметили, что в их жизни имело место эмоциональное насилие, однако указаний на социальный контекст и социальные роли субъекта ЭН отмечено не было. В этих случаях, респонденты описывали пережитый ими эмоциональный опыт, подходящий под описание ЭН (унижение, игнорирование, обесценивание и т. д.). Кроме того, были указаны единичные ситуации, имеющие негативный эмоциональный окрас, но не подходящие под определение эмоционального насилия, а являющиеся скорее конфликтными событиями (например, оскорбления от незнакомых людей и др.) (11 чел.). Выбор респондентами таких ситуаций может свидетельствовать о недостаточной дифференцированности их представлений об агрессии, конфликтном поведении и насилии.

Таблица 2

Частота событий ЭН каждого типа в разных возрастных группах

	Ранний взрослый возраст	%	Средний взрослый возраст	%
Переживание ЭН (нет данных о событии)	8	36,36 %	2	6,6 %
ЭН в детско-родительских отношениях	4	18,18 %	9	30 %
ЭН в иерархических отношениях (школа, работа)	5	22,72 %	8	26,66 %
ЭН в партнерских отношениях	1	4,5 %	4	13,3 %
Другие события	4	18,18 %	7	23,33 %
ИТОГО:	22		30	

Составлено авторами

По представленным данным респонденты старшего возраста немного чаще указывают на проявления ЭН в их детско-родительских и партнерских отношениях, тогда как для молодых респондентов источник ЭН – это ситуации в иерархических отношениях (учеба, работа). Нам видится, что различия в типах отношений, которые указали респонденты разного возраста как источник ЭН, связано со значимостью, актуальностью этих отношений для разных возрастных групп. В молодом возрасте ведущим процессом является социализация, когда на первый план выходят процессы личностного развития, познания себя. В этой связи молодые люди становятся особенно чувствительны к сложностям межличностного общения с друзьями, преподавателями, коллегами. В более зрелом возрасте возрастает роль семьи и ближайшего окружения. Этим объясняется их меньшая устойчивость к проявлениям ЭН в этой сфере межличностного взаимодействия.

Далее нами были проанализированы возрастные различия в переживании ситуаций эмоционального насилия. Сравнение признаков посттравматического стресса в группах ранней и средней взрослости показало, что более молодые респонденты испытывают более интенсивные симптомы избегания (кластер С) ($U = 229,50, p = 0,0147$). Т. е. для молодых людей одной из наиболее сложных задач в переживании ситуации ЭН является проблема последующего установления взаимоотношений с окружающими, т. к. вследствие травматического опыта они склонны избегать эмоциональных связей с семьей, коллегами, друзьями. С одной стороны, человека наводняют эмоции в связи с повторными переживаниями травмы, с другой стороны, в реальной жизни он чувствует скованность и неспособность переживать и выражать эмоции относительно текущих и прошлых событий. Также для объяснения большей выраженности признаков избегания мыслей, чувств и воспоминаний о событии ЭН у молодых людей можно предположить влияние фактора давности, т. е. с момента описываемых ими событий ЭН прошло меньше времени, по сравнению с опытом респондентов более старшего возраста.

Сравнение выраженности признаков посттравматического стресса в зависимости от типа пережитого события не показало различий ни по одному из параметров PCL-5 ($p > 0,05$). Т. е. интенсивность симптомов ПТС не связана с тем, какое именно эмоциональное насилие было испытано респондентом.

Для дальнейшего анализа все респонденты были разделены на три группы по уровню интенсивности признаков ПТС (итоговый показатель PCL-5): «низкий ПТС» – от 0 до 10 баллов ($n = 14$), «средний ПТС» – от 11 до 27 баллов ($n = 26$), «высокий ПТС» – от 28 до 50 баллов ($n = 15$). В выделенных группах респондентов было осуществлено сравнение уровня самооценки, типа поведения в конфликтных ситуациях и агрессивное поведение. Согласно полученным результатам, уровень самооценки не различается в группах с разной выраженностью ПТС (по Манна Уитни) ($p > 0,05$) (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение уровня самооценки в группах респондентов с различным уровнем ПТС

Группы сравнения		U-критерий Манна-Уитни	Уровень значимости, p
Низкий ПТС	Средний ПТС	96,00	0,451
Низкий ПТС	Высокий ПТС	28,00	0,201
Средний ПТС	Высокий ПТС	66,00	0,393

Составлено авторами

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что переживание признаков ПТС вследствие столкновения с ситуацией ЭН не связано с уровнем самооценки респондентов. Этот результат противоречит данным о влиянии опыта ЭН на снижение самооценки жертвы насилия [11]. Возможным объяснением полученным нами данным является то, что респонденты указывали для оценки ЭН слишком разные типы травматических ситуаций, которые очень сильно различаются между собой как по значимости отношений, в которых происходило ЭН, так и по психологической дистанции между членами отношений (близкие люди, незнакомцы и т. п.). Кроме того, следует сказать о возрастных различиях в ценностях разного типа отношений: так, например, в молодом возрасте высокую значимость имеют отношения с друзьями, коллегами, однако, в более зрелом возрасте возрастает роль семьи и отношений с близкими. В русле данной логики рассуждений можно предположить, что снижение самооценки не происходит в тех случаях, когда факт ЭН происходит в сфере отношений, которая не является для человека высоко значимой. Небольшой объем выборки в проведенном исследовании накладывает ограничения на возможности интерпретации полученного результата, поэтому нам представляется, что в будущих исследованиях расширение объема выборки и формирование более однородных по типу отношений, в которых происходило ЭН, групп респондентов, позволит прояснить специфику взаимосвязи самооценки с переживанием ЭН.

Дальнейшее сравнение выделенных групп с помощью критерия Н-Краскела-Уоллеса показало различия между ними по следующим параметрам: сотрудничество ($H = 9,54$, $p = 0,0085$), эмоциональная агрессия ($H = 7,98$, $p = 0,0185$), самоагрессия ($H = 6,04$, $p = 0,0489$). Наглядно различия в средних значениях указанных параметров в этих группах представлены на рисунке 1.

Получены данные о том, что респонденты с высоким уровнем ПТС проявляют большую эмоциональную агрессию в виде подозрительности, враждебности, неприязни или недоброжелательности при общении с другими людьми, они также имеют значительные внутренние конфликты, что ослабляет их механизмы психологической защиты. Выявленная взаимосвязь представляется достаточно закономерной: людям, пострадавшим в межличностном взаимодействии (пережившие ситуацию ЭН), трудно в дальнейшем

выстраивать доверительные, близкие отношения с людьми, т. к. травма произошла именно в этой сфере жизни.

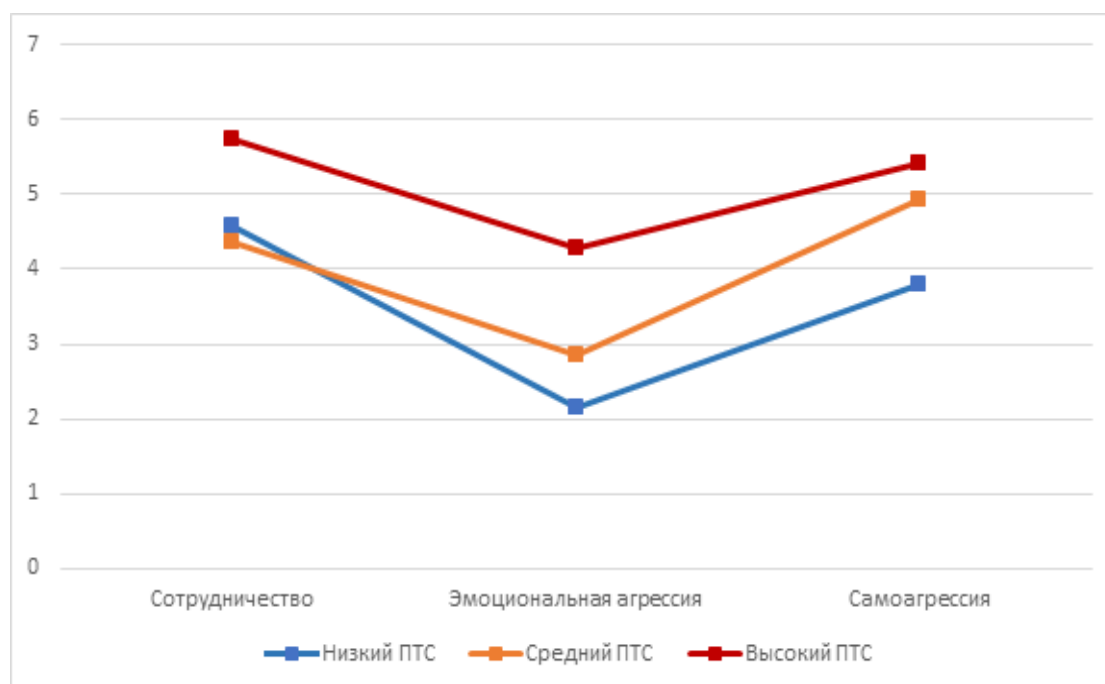

Рисунок 1. Средние значения шкал Сотрудничество, Эмоциональная агрессия и Самоагрессия в группах респондентов с различным уровнем ПТС (составлено авторами)

Также получены данные о том, что респонденты с высоким уровнем ПТС в конфликтных ситуациях чаще, чем респонденты со средним и низким уровнем ПТС, используют такую конструктивную стратегию как сотрудничество. Полученный результат может быть связан с проявлениями посттравматического роста. Столкновение с ситуацией ЭН может приводить к изменениям в межличностном взаимодействии, когда человек, переживший сильные негативные эмоции в результате ЭН, стремится избегать повтора этих ситуаций в своей жизни, используя конструктивные формы решения конфликтов.

Для проверки предположения о том, что наблюдение за ситуациями ЭН в родительских семьях способствует большей уязвимости респондентов к переживанию ЭН в своем личном опыте, а также формированию сходных паттернов поведения респондентов в виде более высокого уровня агрессии и неконструктивных типов поведения в конфликтных ситуациях, мы разделили респондентов на три группы по частоте проявлений ЭН в родительских семьях и сравнили уровень выраженности указанных выше параметров в выделенных подгруппах: группа «0» – те, кто никогда не наблюдал насилия в отношениях родителей ($n = 12$); группа «1» – средняя частота (от 1 до 11 видов) насильственных отношений родителей ($n = 24$); группа «2» – высокие значения частоты (больше 12 видов) насилия в отношениях родителей ($n = 16$).

Попарное сравнение этих групп по всем показателям с помощью критерия Манна-Уитни показало, что группы «0» и «1», группы «0» и «2» – не различаются по выделенным параметрам. При сравнении групп «1» и «2» было выявлено, что избегание как симптом ПТС и предметная агрессия выше в группе «2» ($p < 0,05$). Таким образом, получены данные о том, что ситуации ЭН в родительской семье выступают травмирующим фактором для ребенка, делая его более уязвимым к переживанию ситуации ЭН в собственной жизни. Интересным представляется результат, о высоком уровне предметной агрессии у респондентов, которые имели высокочастотный опыт наблюдения за проявлениями ЭН в общении их родителей. Данная взаимосвязь может быть объяснена как тем, что, возможно, это является следствием тех форм

поведения, которые они видели в детстве и теперь воспроизводят в своем поведении, или наоборот, видя в родительском взаимодействии лишь проявления ЭН, без физического насилия, они как бы снижаются в уровне своего функционирования, срывая свой гнев на окружающих их предметах. Однако, определить то, какая из возможных интерпретаций является более близкой к истинной, может лишь сбор более подробной информации о ситуации ЭН в общении родителей респондентов.

Подводя итоги данного исследования, следует подчеркнуть, что существуют возрастные различия в оценке уязвимости межличностных отношений для проявлений ЭН. Так, молодые люди особенно остро переживают проявления ЭН в сфере взаимодействия с друзьями и коллегами, для людей старшего возраста такой сферой высокой значимости является семья и отношения с близкими. Также показано, что молодые люди имеют больше трудностей при избегании мыслей, чувств, воспоминаний о травмирующей их ситуации ЭН.

В работе показано, что эмоциональная агрессия и самоагрессия являются факторами уязвимости, которые делают человека менее устойчивым в ситуациях ЭН, обуславливают сложности в восстановлении психологического благополучия, затруднении в поиске социальной поддержки и установлении теплых доверительных отношений с другими людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузина А.А. ИмPLICITные представления об эмоциональном оскорблении и эмоциональном насилии и их дифференциация // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. №1. С. 69–73.
2. Казымова Н.Н., Быховец Ю.В., Дымова Е.Н. Психотравмирующие последствия переживания эмоционального насилия женщинами раннего взрослого возраста // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. №4. С. 78–84.
3. Tafet G.E., Nemeroff C.B. The links between stress and depression: psychoneuroendocrinological, genetic, and environmental interactions // Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences. 2016. Vol.28. №2. Pp. 77–88.
4. Фурманов И.А. Эндогенные и экзогенные факторы агрессии и насилия в семье // Психологический журнал. 2008. № 2 (18). С. 9–14.
5. Wendt S., Hornosty J. Understanding contexts of family violence in rural, farming communities: Implications for rural women’s health // Rural Society. 2010. Vol. 20. № 1. Pp. 51–63.
6. Krishnan S., Hilbert J.C., Vanleeuwen D. Domestic Violence and Help-Seeking Behaviors among Rural Women: Results from a Shelter-Based Study // Family & Community Health. April 2001. Vol.24. №.1 Pp. 28–38.
7. Тарабрина Н.В., Харламенкова Н.Е., Быховец Ю.В., Мустафина Л.Ш., Ворона О.А., Казымова Н.Н., Дымова Е.Н., Шаталова Н.Е. Посттравматический стресс и картина травматических событий в разные периоды взрослости // Психологический журнал. 2016. Т.37. №6. С. 94–108.
8. Blevins C.A., Weathers F.W., Davis M.T., Witte T.K., Domino J.L. The Posttraumatic Stress Disorder Checklist for DSM-5 (PCL-5): Development and Initial Psychometric Evaluation // Journal of Traumatic Stress. 2016. Vol.28. №6. Pp. 489–498.
9. Тарабрина Н.В., Харламенкова Н.Е., Падун М.А., Хажуев И.С., Казымова Н.Н., Быховец Ю.В., Дан М.В. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности / Под общ. ред. Н.Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
10. Фурманов И.А. Дезадаптирующее влияние эмоционального насилия // Психосоциальная адаптация в трансформирующемся обществе: проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 16 окт. 2003 г. / Минск: БГУ, 2003. С. 189–191.
11. Скрыпченко В.В. Эмоциональное насилие над детьми в семье: последствия и перспективы профилактики / Материалы IV международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы общества, науки и образования: современное состояние и перспективы развития» / Под ред. Ю.В. Фурмана, Т.Б. Белозеровой, Е.П. Непочатых. М.: Издательство «Перо», 2017. С. 149–154.

Bykhovets Julia Vasilevna

Institute of psychology of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia

E-mail: bykhovets@yandex.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=590394

Kazymova Nadezhda Nailevna

Institute of psychology of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia

E-mail: bakusevan@mail.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=607612

Experience of emotional violence and personal characteristics in people of early and middle adult age

Abstract. The article presents the results of an empirical study examined the psychotraumatic experience of emotional violence. The aim of the study was to explore the relationship between the experience of emotional violence and personal characteristics (self-esteem, aggression, behavior style in conflict situations), as well as the experience of observing the manifestations of emotional violence in parental interaction in respondents of early and middle adult age. The methodological complex of the study consisted of: Posttraumatic Stress disorder CheckList PCL-5, a method for studying self-esteem by S.A. Budassi, a questionnaire "Types of aggression" by L.G. Pochebut, a questionnaire "Style of behavior in conflict" by K. Thomas in adaptation by N.V. Grishina, a Questionnaire for evaluating the behavior of parents by D.J. Sonkin in the adaptation of I.A. Furmanov. It is shown that hard life experience in the form of emotional abuse can have different sources: child-parent and family relationships, professional and hierarchical relationships, marital and partnership relationships, etc. At the same time, vulnerability to situations of emotional violence is associated with the significance of a particular domain of life at different ages. Signs of post-traumatic stress in early adulthood include more pronounced avoidance symptoms, compared to middle adult age. In both age groups, post-traumatic stress caused by the experience of emotional abuse is not associated with the level of self-esteem of respondents. There is evidence that respondents with a high level of post-traumatic stress show greater emotional aggression and self-aggression, but are nevertheless more willing to cooperate in situations of interpersonal conflict. Observing situations of emotional violence between parents is a potentially traumatic stressor, increasing the child's vulnerability to such situations later in adult life.

Keywords: post-traumatic stress; emotional abuse; self-esteem; aggression; conflict situations; psychotraumatic experience